

самого письма: с этой точки зрения карикатура на беседчиков ничем не отличается от самохарактеристик арзамасцев:

«Огромный волот <великан.— В. М.>, разверзая страшную пасть, высовывает из нее комарий язык; <...> он мертв, но живот его страшно надут еще теми речениями, которые давно уже из себя он извергнул, но которых хвосты еще тянутся из утробы его» [21, с. 106—107].

Текст не говорит, а симулирует речь. Это мертвец, который притворяется живым, гальванизированный труп: «На челе сего трупа видна печать Беседы; и между тем он не совершенно лишен жизни. Он одет, по языческому их обычаю, мрачным саваном невежества, но в полуоткрытых глазах его блистает еще какой-то огонь, какая-то живость, которую мы, гробокопатели, не привыкли видеть в мертвецах Беседы» [21, с. 123].

Типичная арзамасская аллегория Текста — Живая голова в «Руслане и Людмиле». Это «говорящая часть» человека, получившая самостоятельное существование. Она должна быть мертвой, но она жива. До появления Руслана голова спит. Руслан щекочет ей ноздри копьем (пробуждающий контакт), и голова чихает (о-глашение текста и эхо публичности):

Проснулся вихорь, степь дрогнула <...>
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо...

Голова хохочет, дует, грозит — метафоры паравербальности текста («вроде бы речь») и его монологической агрессивности. «Записывая свой текст, скриптор, в сущности, говорит на языке грудного младенца — повелительном, машинальном, бесстрастном; <...> это сосущие, бесцельные движения, недифференцированная оральность» [23, с. 482].

Применительно к литературной полемике возникает следующий сценарий. Поэт мимоходом «щекочет» педанта эпиграммой, а тот в ответ разражается бранной статьей или памфлетом. На слово поэт отвечает делом, на канонический крупный жанр — подручным мелким жанром — пронзает педанта стрелой эпиграммы:

И, задрожав, булат холодный
Вонзился в дерзостный язык.
И кровь из бешеного зева
Рекою побежала вмиг.

(Ср.: «Ты извлек свой лук <...> и призрак упал, извергая из уст безвредный свой пламень. Не так ли упал пред тобой и сам Славенофил» [21, с. 145]).

Это и есть пушкинский способ «отвечать на критики»:

Не рассуждай, не трать учтивых слов...
Прихлопни их проворной эпиграммой.

Эпизод с Живой головой демонстрирует тактику «партизанской войны», которой придерживались арзамасцы: «Вести войну партизанов, без всякого плана, а положив себе за правило бить халдеев при всяком удобном случае и чем ни попало» [18, с. 103]. Одновременно в силу автотематичности арзамасского дискурса, это и сама партизанская война.

Фактически это прагматическая критика Текста с позиций речи и письма. Однако в пушкинском эпизоде есть эффекты, не вмещающиеся в рамки такой критики (например, пробуждение головы в начале и остывание гнева Руслана в конце). Это эффекты анагносиса; им соответствует метафора Текста-Памятника.